

политических сил в обществе, что привело к массовому недовольству политическими действиями дум.

Накануне выборов по новым правилам происходит активизация всех политических сил на городском уровне. После выборов разногласия между партиями, классами, различными социальными группами перенеслись в думы и привели к чрезмерной политизации. Так, например, в Вятской городской думе произошел серьезный конфликт с выяснением отношений между кадетами и социалистами по вопросу посылки представителя на Демократическое совещание. Партийное деление в новых думах соответствовало партийному составу правительства (в Вятской думе социалисты получили 64 % мест, а кадеты – 24 %), поэтому политическая позиция новых дум – во всем его поддерживать. Вятская городская дума приветствовала борьбу правительства с Корниловым, накануне Демократического совещания приняла наказ-приговор Керенскому о создании коалиционного правительства. Думские деятели остро критиковали большевиков, которые рассматривались как главная опасность.

После победы большевиков в Петрограде и до установления советской власти в регионах политизация городских дум достигает своего пика. Большинство дум резко осудило «изменнические действия большевиков». На Вятке представители городской думы вошли в состав Верховного Совета по управлению губернией, объявившего себя верховной легитимной властью. Вятская городская дума стремилась не допустить насильственного захвата власти леворадикалами, несколько большевиков были арестованы. Со страниц газет и в пропагандистских речах гласные резко их критиковали.

Угodu своим политическим пристрастиям городские самоуправления поддерживали одну из сторон конфликта, и после победы другой стороны оказались в двусмысленном положении. Партийная принадлежность гласных перестала соответствовать партийному составу власти и политическим предпочтениям большинства населения, что способствовало усилению противоречий. Итогом чрезмерной политизации городских дум стал конфликт с новой центральной властью и появление угрозы самому существованию самоуправлений.

В.Н. Мамяченков (Екатеринбург)

Кампания по борьбе с нарушениями Устава сельхозартели и уровень материальной обеспеченности крестьянства Свердловской области в первые послевоенные годы

Начало данной кампании было положено Постановлением Совмина СССР и ЦК ВКП(б) от 19 сентября 1946 г. «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах». В нем отмечалось, что идет «расхищение общественных земель», а партийным и советским органам предписывалось «усилить контроль» за размерами личного подсобного хозяйства (ЛПХ) и численностью скота в подворье крестьянина и, по необходимости, «изымать излишки». Кроме того, в постановлении отмечались такие нарушения, как «разбазаривание трудодней», «расхищение колхозного имущества» и другие, вплоть до «нарушений колхозной демократии».

Вышеупомянутому Постановлению предшествовала грандиозная ревизия «сохранности общественной собственности», проведенная в мае-июле того же года министерством государственного контроля СССР во главе с Л.З.Мехлисом. Всего ревизией было охвачено 60 районов союзных республик и 10 областей РСФСР, в которых было обревизовано 288 колхозов. Результатом ее и стало раз-

вертывание очередной кампании по изъятию «излишков» земли и скота у колхозников, то есть фактически началась кампания по ущемлению ЛПХ колхозников, в частности, по всемерному урезанию их основного доходного ресурса – приусадебных земельных участков. Эта кампания стала беспрецедентной по своим масштабам: уже к концу января 1947 г. была проведена проверка наличной земли более чем в 198000 колхозов, установлено 2255000 случаев «захвата» общественных земель.

Руководство Свердловской области как будто специально только и ждало вышеупомянутого Постановления: буквально через несколько дней после выхода его в свет – 25 сентября – состоялось соответствующее постановление Свердловского облисполкома и обкома ВКП(б), в котором констатировалось, что «нарушения Устава сельхозартели в колхозах выражаются, прежде всего, в неправильном расходовании трудодней, расхищении общественных земель колхозов, растаскивании колхозной собственности, злоупотреблениях со стороны советских, советско-партийных, земельных и других работников». Далее перечислялись нарушения Устава и наиболее «отличившиеся» в этом районы. Так, неправильное расходование трудодней было отмечено в колхозах Арамильского, Артинского, Зайковского, Режевского районов, самовольный захват колхозной земель – в Богдановичском, Зайковском, Нижнесергинском, Нижнетагильском, Сажинском, растаскивание колхозной собственности – в Режевском, Слободотуринском, Сухоложемском, Таборинском районах.

В соответствии с указанным постановлением немедленно началась проверка соблюдения Устава сельхозартели, которой подверглись сразу 26 районов области. Для этого были созданы 1673 комиссии, в состав которых включались работники РайЗО, бухгалтеры, землеустроители, зоотехники, председатели и члены сельсоветов, счетоводы. Результаты были получены впечатляющие: нарушения были выявлены практически во всех обреченных территориях.

Изучая результаты упомянутой проверки, лишний раз убеждаешься в полной неэффективности колхозов как формы организации сельскохозяйственного производства. Отсюда следует, что и уровень материальной обеспеченности колхозников изначально не мог быть высоким. Начать с того, что в большинстве колхозов был чрезмерно раздут административно-управленческий персонал. В материалах проверки можно найти такой анекдотический пример: в карликовом колхозе «Пролетарский луч» Шалинского района, посевные площади которого по всем культурам составляли всего 30 га, из 15 трудоспособных колхозников 9 человек (то есть 60 %) состояли в штате административно-управленческого персонала. В 1945 г. на их содержание было затрачено 47 % колхозных трудодней. В результате колхозный аппарат «без ущерба работе» сократили на 4 человека. Всего же по всем колхозам области по результатам проверки было сокращено 1658 человек с месячным фондом оплаты 52428 трудодней.

На фоне несовершенства форм и методов начисления зарплаты и расчетов с колхозниками имели место многочисленные злоупотребления со стороны колхозных руководителей. Например, в том же Шалинском районе, в колхозе им. Буденного, семье колхозника Потапова по итогам 1945 г. было начислено к оплате 788 кг зерна и 1540 рублей, но выдано было только зерно в количестве 651 кг. Аналогичные явления происходили и в других территориях: только в Белоярском районе на 1 января 1946 г. колхозы были должны колхозникам 1222837 рублей (справедливости ради надо сказать, что и колхозники задолжали колхозам 765096 рублей).

Из вышесказанного совершенно ясно, что шансов разбогатеть у колхозников не было никаких. К тому же государство пресекало малейшие попытки крестьян

ян обзавестись лишними квадратными метрами приусадебных участков. На официальном языке это называлось «самовольным захватом общественных земель», а иногда – даже «расхищением» таковых. Как установила вышеупомянутая проверка, всего к осени 1946 г. в Свердловской области 8498 колхозных семей незаконно прирезали к своим приусадебным участкам 902 га. Еще 759 га прибавили себе 7914 семей, не состоящих в колхозе. Если учесть, что в области на тот момент только число колхозов составляло 2161, это не выглядело слишком большой цифрой. Надо заметить, что здесь Свердловская область смотрелась вполне пристойно: в Оренбургской области треть колхозных дворов имела приусадебные участки выше нормы.

Подобные «самовольные захваты общественных земель» колхозниками продолжались и в дальнейшем, в 1950-х годах. Земельными органами в этот период зафиксировано множество таких фактов. При этом доля «захватчиков» обычно составляла 4-10 % площади приусадебных хозяйств и лишь иногда – 10-12 %. О причине таких захватов со стороны крестьян откровенно сказала колхозница Бекетова на общем собрании в колхозе им. Чапаева Сухоложского района: «Трудодень обесценен, стимула к работе нет. Всякий старается укрепить личное свое хозяйство за счет увеличения приусадебных участков и другими путями». «Захваты» не всегда носили несанкционированный характер, так как часто колхозники и руководители колхозов просто приходили к молчаливому соглашению.

Всего по итогам проверки к концу 1946 г. колхозам области было возвращено (читай – навязано обратно) 86611 га пахотных земель и сенокосных угодий, переданных различным организациям. В целом, по стране за этот год было возвращено 4,7 млн. га земель, в том числе от колхозников – 521,5 тыс. га, (плюс к этому 140 тыс. голов скота). А всего за 1946-1950 годы колхозам было возвращено 7,3 млн. га земель. В Свердловской области за эту пятилетку возврату подверглись 10372 га пашни и сенокосов (в соседней Башкирии у колхозников было изъято 13000 га пашни и 11219 голов скота).

К началу 50-х годов данная кампания еще не завершилась. Так, уже в 1950 г. была проведена проверка выполнения Постановления от 19 сентября 1946 г. в колхозах Красноуфимского района Свердловской области. И что же? В итоговой справке на имя председателя Совета по делам колхозов при Правительстве СССР А.А. Андреева сообщалось: «При проверке... установлено, что нарушения Устава сельхозартелли по землепользованию имеют место во всех проверенных колхозах».

С.И. Мельник (Тюмень)

Тюмень рубежа 50-60-х годов XX века: будни движения за коммунистическое отношение к труду

В конце ноября 1958 г. в Тюмени, как и по всей стране, началось движение за коммунистическое отношение к труду. Уже в 1959 г. сотни бригад боролись за звание бригад коммунистического труда, а с 1960 г. можно говорить о новом этапе движения – в борьбу включились целые заводские коллективы. Из всех тюменских предприятий только завод пластмасс получил звание коллектива коммунистического труда.

Вопрос об организации бригад коммунистического труда впервые оказался в повестке дня партбюро завода на заседании от 3 декабря 1958 г. 26 декабря партийное собрание заслушало информацию секретаря партбюро В.С. Графовой о выполнении решения партбюро. По ее словам, «в цехе 02 созданы и соревнуют-